

Виктория
Невская

Измена

Долги мужа

Виктория Невская

Измена Долги мужа

«Автор»

2026

Невская В.

Измена Долги мужа / В. Невская — «Автор», 2026

Я думала, что знаю мужа лучше всех. Но одно письмо из банка открыло правду: долги, заложенная квартира и другая женщина. За один день моя семья рассыпалась. Теперь мне придётся решить, оплакивать прошлое или наконец начать жить с нуля!

© Невская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	8
ГЛАВА 2.	13
ГЛАВА 3.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктория Невская

Измена Долги мужа

ПРОЛОГ.

Конверт я вскрыла прямо в прихожей, не разувшись.

Внутри лежал один лист.

«В связи с неисполнением обязательств по кредитному договору... банк вынужден инициировать процедуру обращения взыскания на предмет залога...»

Я прочитала строчку раз. Потом второй. На третий уже водила пальцем по буквам, как первоклассница: буквы знакомые, каждая по отдельности понятная, а в слова собираться отказываются.

Предмет залога — квартира.

Наша квартира. Вот эта самая, в которой я стою с бумажкой в руках, а за стеной Глеб делает уроки и бубнит себе под нос. Он всегда бубнит, когда учит наизусть. Четырнадцать лет человеку, а бубнит, как в первом классе.

Я набрала Игоря.

Гудок. Второй. Сброс.

Набрала ещё раз — сброс после первого же гудка.

Значит, видит экран. Значит, читает на нём «Марина» и жмёт красную кнопку. Я стояла и слушала короткие гудки так внимательно, точно в них было спрятано что-то ещё, кроме его «не сейчас».

Ладно. Пусть будет «не сейчас». Я умею ждать: я всю замужнюю жизнь тренировалась ждать его с работы, со встреч, из командировок.

Я начала набирать ему сообщение. «Пришло письмо из банка про» — и стёрла. Набрала «Перезвони, это важно» — и тоже стёрла. Про такое не пишут в мессенджер между «купи хлеба» и «во сколько будешь». Про такое смотрят в лицо.

До вечера я успела многое. Переложила письмо со стола на подоконник, с подоконника в ящик, из ящика обратно на стол. Позвонила Игорю ещё четыре раза с тем же результатом. Открыла шкаф с документами и не нашла там кредитного договора. Вот это, кстати, отдельная песня: в нашем доме хранится гарантия на утюг пятилетней давности, чеки от люстры и инструкция к соковыжималке, которой давно нет. А договора, по которому у нас забирают квартиру, нет и не было.

Из комнаты выглянул Глеб. Наушники на шее, учебник в руке.

— Мам, а есть чего поесть?

— Сейчас разогрею. Много задали?

— Норм. — Он потоптался в дверях, глядя на меня чуть дольше привычного. — Ты чего в куртке?

Я и правда так и ходила по квартире в куртке. Час, наверное.

— Замёрзла. Иди мой руки.

Он ушёл, а я сложила письмо по старым сгибам и понесла на кухню осторожно, двумя пальцами, как несут градусник, когда цифру и так уже знаешь.

Игорь пришёл в девятом часу. Я услышала ключ, шуршание — и вышла в прихожую. В руках у него был пакет. Не пакет даже, а Пакет: из того магазина, где охрана в костюмах, а корзинки протирают после каждого покупателя.

— Купил твой любимый сыр, — он поставил пакет на тумбу жестом человека, добывшего мамонта. — И виноград. Глеб дома?

Сыр, к слову, был не мой любимый. Мой любимый он путает который год с тем, который любит сам. Но сегодня мне было не до сыра.

— Дома. Игорь, нам письмо пришло.

— Видел, на столе лежит. — Он развязывал шнурки не спеша, аккуратно, петелька к петельке. — Марин, это техническая ошибка. Я уже в курсе и уже разбираюсь. Ты же меня знаешь.

Я его знаю. Двадцать один год знаю: с того дня, когда он, торговавший запчастями с ладони, продал мне идею, что с ним не пропадёшь. Он тогда звучал убедительнее любого банка. Он и сейчас звучит убедительнее любого банка, в этом вся беда: банк хотя бы пишет правду.

— Там слово «взыскание», Игорь. Там про нашу квартиру.

— Марин. — Он выпрямился, взял меня за плечи и наклонился, как наклоняются к ребёнку перед прививкой. — Банки рассылают такое пачками. Роботы рассылают. Программа увидела старую просрочку по бумагам фирмы и сама сгенерировала письмо. Завтра заеду и закрою вопрос. Всё. Ужин будет?

И пошёл мыть руки.

Часы он не снял. Он их вообще никогда не снимает, эти часы: ни к раковине, ни в душ, ни на ночь. Последняя настоящая вещь из той жизни, где он покупал их, не глядя на ценник. Иногда мне кажется, он и спит нарочно так, чтобы запястье лежало поверх одеяла.

За ужином он был в ударе. Рассказывал Глебу про партнёра из другого города, который «заходит в проект», подкладывал ему мясо: ешь, мужчина растёт. Тимур поднял голову от телефона ровно один раз:

— Пап, а инвестор этот когда? Ну, который со Стасом.

— Скоро, сын. Всё идёт по плану.

— Вот увидишь, мам, — Тимур ткнул вилок в мою сторону, — батя всех сделает. Он в девяностые с нуля поднялся, а тут вообще.

Я улыбалась. У нас так заведено: при детях всё хорошо. Это правило старше обоих наших детей, и я исполняла его без единого выходного все эти годы.

Письмо так и лежало на краю стола, сложенное. Между солонкой и хлебницей. Никто из нас за весь ужин на него не взглянул, и от этого оно казалось громче телевизора.

Один Глеб под конец потянулся его подвинуть, освобождая место под хлебницу.

— Пусть лежит, — Игорь перехватил движение, не глядя. — Там ошибка, завтра разберусь.

Пусть лежит. И ошибка лежала между солью и хлебом, и мы ужинали вокруг неё всей семьёй, как ужинают вокруг именинного торта.

Ночью я проснулась оттого, что рядом пусто.

Одеяло на его половине отогнуто, в коридоре темно, а из кухни идёт полусвет и полусшёпот. Я встала и пошла на этот полусшёпот босиком, по холодному полу, переступив скрипучую доску у детской. Я знаю в этой квартире каждую доску. Знала.

— ...да понимаю я всё. Понимаю. Потерпи немного. — Пауза. Игорь стоял у кухонного окна спиной к коридору, телефон к уху, свободной рукой придерживал штору, как придерживают дверь, чтобы не хлопнула. — Она не узнает. Куда ей. — Смешок, короткий, свойский, не мне предназначенный. — У неё борщи, у неё школа. Я всё решу, слышишь? Всё решится.

Она не узнает. У неё борщи.

Этой ночью, босиком в коридоре, я впервые слушала родной голос как чужой.

Я стояла босиком в тёмном коридоре собственной квартиры, которая, если верить письму, была уже не совсем моей, и выбирала, что именно мне сейчас услышать. Можно было услышать «жена не узнает про долги». А можно было услышать другое.

Я выбрала долги. С долгами проще стоять босиком на холодном полу.

В спальню я вернулась раньше него и легла лицом к стене. Он пришёл минут через десять, лёг, натянул одеяло и задышал ровно почти сразу. Люди с беспокойной совестью так не умеют, думала я раньше. Оказывается, умеют. Ещё как умеют: ровно, глубоко, до самого утра.

Половину жизни я прожила рядом с этим дыханием. И вот лежу и слушаю его, как чужое. Как в поезде, когда за перегородкой дышит попутчик: вроде близко, вроде тепло от него, а кто он такой, ты не знаешь.

Утром я счищала в ведро остатки каши и увидела в мусоре угол конверта. Синий логотип, знакомый шрифт. Я вытащила его двумя пальцами, стряхнула заварку. Под ним лежал второй.

Оба вскрытые. Оба из банка. На штемпелях — прошлый месяц и позапрошлый.

Он их получал. Забирал из ящика раньше меня, вскрывал, читал — и выбрасывал. Не по дороге на работу, не в мусоропровод на этаже, а сюда, в кухонное ведро, поглубже, под очистки. В доме, где мусор выношу я.

Сколько раз я выносила это ведро за последние месяцы? Через день, считай. Выходит, я месяцами таскала на помойку правду о собственной жизни. Своими руками. В пакете с завязками, чтобы не рассыпалась по дороге.

Я вымыла руки. Вытерла их полотенцем, долго, палец за пальцем, как учат мыть детей.

Потом достала из ящика свой блокнот. Толстый, с резинкой, в нём вся моя жизнь по пунктам: списки покупок, расходы, «не забыть», «спросить у врача». Игорь надо мной посмеивается: двадцать первый век на дворе, а ты с тетрадкой. Пусть посмеивается. Тетрадка хотя бы не сбрасывает мои звонки.

Я разгладила ладонью вчерашнее письмо, самое свежее, с красным «повторно», и вложила его между страницей «купить Глебу кроссовки» и страницей «мамин день рождения — накрыть стол».

Закрыла блокнот и надела резинку.

ГЛАВА 1.

— И давно банк ошибается тебе на квартиру?

Это вырвалось у меня за завтраком, при детях. Лопатка стукнула о сковороду громче, чем я хотела, и собственный голос я услышала будто со стороны: ровный, гладкий, воскресный.

У нас так не принято. При детях всё хорошо. При детях мы обсуждаем оценки, погоду и чужие успехи. Я сама следила за этим правилом строже, чем за сроком годности на молоке.

Игорь вёл ножом по хлебу ровно, не сбившись.

— Марин. Мы же вчера всё обсудили.

— Мы не обсудили. Ты бросил «ошибка» и пошёл мыть руки.

— Потому что это ошибка и есть. — Он положил нож на край тарелки, аккуратно, параллельно столу. Он всё делает аккуратно, когда врёт. — Я сегодня заеду в банк.

— Ты и вчера собирался заехать сегодня. А письма приходят с позапрошлого месяца. Я нашла в ведре ещё два.

Нож звякнул о тарелку. Всё-таки звякнул.

— Ты в мусоре копалась?

— Я кашу выбрасывала. Занятный вопрос от человека, который прячет банковские письма под картофельные очистки.

Тимур оторвался от телефона. Завтракал он в этой своей ветровке — чужой, с чужого плеча, «взял поносить» зимой у кого-то из прошлой школы и так и не вернул. В ней и ест, в ней и спит, кажется.

— Вы чего с утра-то?

— Ничего, — Игорь долил себе чаю, не глядя на меня. — Мама нашла письмо из банка. Рядовая история: система у них сбоит, рассылает требования всем подряд. Юристы уже занимаются.

— Какие юристы? — я поставила сковороду и села напротив. — Фамилия у этих юристов есть? Телефон? Договор с ними?

— Ты хочешь устроить это при детях?

Он понизил голос, и в этом «при детях» было столько заботы, что хоть намазывай её на хлеб вместо масла.

— А банк заберёт квартиру не при детях? Их предупредить заранее или пусть будет сюрприз?

— НИКТО, — Игорь поставил чашку и разложил слово по слогам, как раскладывают пасьянс, — ничего не заберёт. Стас мне должен, и ты знаешь сколько. На днях возвращает, закрываем всё разом и живём дальше. Всё, тема закрыта.

— Мам, ну правда. — Тимур отодвинул тарелку так, что она проехала по столу. — Ты в бизнесе ноль. Батя всю жизнь семью тащит, а ты с утра с бумажкой к нему. Пап, да не парься.

Вот так. Чужая куртка, проездной не оплачен со вторника, но «ты в бизнесе ноль».

— Тимур.

— Что сразу Тимур-то?

Глеб поднялся. Молча взял свою тарелку, отнёс в раковину, пустил воду. Наушники висели у него на шее, он их и за столом не снимает, но я знала: там тихо. Он всё слышал. Он всегда всё слышит, просто делает вид, что музыка.

— Сядь, доешь.

— Я наелся. Мам, я в школу пораньше, нам стенд доделывать.

Дверь за ним закрылась мягко, почти без звука. Хлопать у нас умеет Тимур. Глеб закрывает двери так, словно извиняется, что вообще их открывал.

Игорь допил чай стоя, уже в пиджаке.

— Вечером всё расскажу. Не накручивай себя и в банк не звони: там роботы, только нервы сожжёшь. — Он взял с тумбы ключи, задержался у зеркала, поправил воротник. — И вот что, Марин. Я решаю вопрос. Я всегда решал. Вспомни хоть один раз, чтобы не решил.

Дверь. Через минуту следом ушёл Тимур, дожёвывая на ходу.

Я осталась с посудой и с этим «вспомни хоть раз».

Вспоминала я, пока отмывала сковороду. Вспомнила, как он «решил вопрос» с машиной: в марте она ещё стояла во дворе, а к вечеру уже не стояла, и мне было объявлено «оптимизировал, такси дешевле выходит». Вспомнила, как «решился вопрос» с частной школой Тимура: «переводим в обычную, у них программа слабая стала». Программа у них ослабла ровно в тот месяц, когда нам стало нечем платить. Совпадение, конечно.

Пакет из вчерашнего магазина так и стоял на тумбе, я вечером убрала только сыр. Я разобрала остальное: виноград, коробка конфет «к чаю». На дне лежал чек. Три позиции, и напротив каждой жёлтым: «акция», «акция», «скидка по карте».

Он выбирал магазин дольше, чем еду. Потому что еда съедается за вечер, а пакет стоит в прихожей и виден всем, кто зайдёт.

Я сложила чек вчетверо и сунула в блокнот, к письму. Зачем — сама пока не знала. Рука сама.

В банк я поехала к обеду.

Вызвала такси, увидела цену, подержала палец над кнопкой и отменила. Пошла на автобус. Сорок минут, с пересадкой. Напротив меня женщина везла рассаду в коробке из-под зефира, всю дорогу придерживала ладонью зелёные хрупкие головы, и я смотрела на эту рассаду, чтобы не репетировать в сотый раз слова, которые собиралась сказать в банке.

Созаёмщик. Слово-то какое, думала я под гул мотора. Вроде и ты заняла, а денег в руках не держала. Вроде и твоя подпись, а узнаёшь обо всём из мусорного ведра.

Слова, как выяснилось, не понадобились. В банке говорила не я.

В отделении было светло и вежливо: керамогранит, электронная очередь, кулер с водой, диванчики. Передо мной сдавал документы пожилой мужчина с папкой на тесёмках, он развязывал эти тесёмки долго, торжественно, и я вспомнила: у бабушки была такая же папка. «Документы любят порядок, Маринка». Порядок, бабушка. Видела бы ты мой порядок.

Табло мигнуло моим номером через десять минут.

За стойкой сидела женщина моих лет, с планшетом и голосом, каким объявляют останки.

— Слушаю вас.

Я положила перед ней письмо. Она глянула на номер договора, набрала что-то и развернула ко мне монитор.

— Кредитный договор, обеспечение — залог недвижимости. Вы созаёмщик. Вот здесь ваша подпись, верно?

Подпись была моя.

Я узнала её мгновенно, и мгновенно же вспомнился тот вечер двухлетней давности. Кухня. Суп на плите. Стиральная машина выходит на отжим. Игорь с папкой: «Подпиши, это формальность, банк требует подпись супруги. Реструктуризация по фирме, чистая бумажная история». Я вытерла руки о фартук и задала ровно один вопрос: где расписаться. Он показал: тут и тут. Забрал папку, объявил, что я лучшая жена в этом городе, и уехал.

Между супом и стиркой. Я подписала залог на собственную квартиру между супом и стиркой, не прочитав ни строчки. Правильные жёны не читают, правильные жёны верят. Я была очень правильной женой.

И уже там, у стойки, меня накрыло вдогонку: а сколько их всего, моих подписей, живёт сейчас по чужим папкам? Эта нашлась, потому что банк догадался прислать письмо. А те, что

без писем? Я попыталась перебрать в памяти все папки, которые он приносил «на минутку, тут формальность», и не смогла. Память услужливо подсовывала только суп и стирку.

— Моя. — Я зачем-то выровняла письмо по краю стойки. — Скажите, а что там с этой... с ошибкой. Муж говорил, у вас система сбоит и рассылает такие письма всем подряд.

Женщина подняла на меня взгляд поверх монитора. В этом взгляде не было ни насмешки, ни жалости. Было хуже: узнавание. Она таких, как я, видит, наверное, каждую неделю — жён, у которых «система сбоит».

— Ошибки нет. По договору просрочка шесть месяцев. Начислены пени и штрафы, досудебные уведомления направлялись по адресу, реакции не поступило, документы переданы в работу. Реструктуризация на этой стадии уже не согласовывается.

— Подождите. Какие шесть месяцев? Мы же... — я осеклась, потому что никакого «мы» тут не было. Было «он». — Последний платёж когда прошёл?

— Осенью. Хотите, распечатаю выписку?

— Распечатайте. Всё распечатайте, что мне положено. Договор, график, выписку. Всё.

— Договор вам должны были выдать при подписании, ваш экземпляр.

— Должны были.

Она не стала развивать. Только пододвинула мне стойку с ручкой на цепочке:

— Распишитесь в получении. Здесь и здесь.

Тут и тут. Где показано. Я расписалась и подумала, что этой привычке пора умирать первой.

Печатала она долго, листы выползали из принтера тёплые, ровные, и на каждом стояла наша фамилия. Стопка вышла толстая. Я прижала её к груди и понесла к выходу двумя руками, как выносят свёрток из роддома.

— Ковалёва! — Она окликнула меня уже у дверей и добавила тише, без служебного голоса: — Вы сумму-то видели? Общую, с пенями. Вы как вообще?

Сумму я видела. Есть цифры, которые с первого раза в голову не проходят, как шкаф в дверной проём: вроде и дверь широкая, а не лезет. Наша трёшка стоила немногим больше того, что мой муж успел задолжать, пока я варила супы и подписывала где показано.

— Нормально, — я улыбнулась ей той самой мышцей, которая отработана годами. — Всё отлично.

Первая ложь за день. Я решила их сегодня считать.

На улице я повернула направо и прошла полквартиры, прежде чем сообразила, куда иду.

К парковке у сквера. Мы всегда оставляли там машину, когда бывали в этом районе: Игорь говорил, там камеры и тень, салон не выгорает.

Машину мы продали в марте.

До сквера я всё равно дошла. Постояла у ограды. На нашем месте стояла чужая серая машина с детским креслом за задним стеклом, и хозяйка её наверняка не знала, что место чьё-то. Что здесь вообще бывают чьи-то места.

Ноги, оказывается, помнят дольше головы. Голова уже всё пересчитала, а ноги ходят по старым маршрутам как ни в чём не бывало. Сколько ещё во мне таких маршрутов, которые ведут к тому, чего давно нет?

Обратно я ехала с этой стопкой на коленях и держала её обеими руками, как держат чужого ребёнка: неудобно, тяжело, а отпустить нельзя. Женщина рядом покосилась на верхний лист, где жирным стояло «ТРЕБОВАНИЕ», и отодвинулась на сантиметр. Правильно. От таких, как я теперь, лучше на сантиметр подальше.

Игорю я позвонила с остановки. Днём он берёт сразу: днём вокруг него люди.

— Я была в банке.

Пауза. Долгая, в три моих вдоха.

— Та-ак. — Голос у него сменился на тот, каким он при мне разговаривал с проштрафившимися подчинёнными, когда подчинённые у него ещё были. — То есть я вчера попросил тебя не дёргаться. А ты с утра побежала проверять меня за моей спиной.

— За твоей спиной? Игорь, я созаёмщик. Под этим договором и моя подпись стоит.

— Вот именно, что твоя! И моя жена идёт в банк и показывает чужим людям, что мужу в этой семье не верят! Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны?!

Я отняла телефон от уха и секунду смотрела на экран. Там горело его имя и счётчик: сорок восемь секунд. За сорок восемь секунд виноватой в нашем разговоре успела стать я.

Он всегда так умел. Ещё когда мы только поженились, он опаздывал на три часа, а извинялась в итоге я: за то, что «устроила допрос с порога». Фокус простой, я его за годы разобрала на винтики: не отвечать на вопрос, а оценивать сам вопрос. Не «где ты был», а «каким тоном ты спрашиваешь». Разобрать-то разобрала. А выйти из фокуса так и не научилась.

— А как выглядит просрочка в полгода, Игорь?

— Я не буду обсуждать это по телефону. Вечером. И мать свою пока не подключаю, умоляю тебя.

Гудки.

До вечера оставалось дожить. Я вернулась домой, разложила распечатки на кухонном столе и села их читать, но из школы пришёл Глеб, и я накрыла стопку полотенцем. Быстрее, чем сообразила зачем.

— Мам, я дома! — Он заглянул на кухню, стянул наушники на шею. — О, а чего это у тебя?

— Бумаги. Скучные. Есть будешь?

— Буду. — Он сел напротив, покосился на полотенце, под которым углами топорщились листы, и ни о чём не заикнулся. Достал учебник. — Я тут поделаю, ладно? У меня в комнате стол шатается.

Стол у него не шатается. Стол у него отличный, Игорь покупал в те годы, когда мебель выбирали не по цене. Глеб просто сел рядом. Почуял и сел рядом, как садятся рядом с тем, кого нельзя оставлять одного, и заслонил собой мои скучные бумаги от всего мира.

Я разогрела ему суп и полчаса слушала про школьный стенд, про то, что физичка заболела и что кроссовки, кстати, ещё живые, он подклеил. Подклеил он их сам, моим клеем из ящика с инструментами.

Кроссовки. Страница в блокноте. Я смотрела, как он ест, и считала про себя, сколько теперь стоит каждая строчка моих списков.

Когда он доел, я забрала тарелку, и он вдруг, не поднимая головы от учебника:

— Мам. А у нас всё нормально?

— У нас всё решаемо. — Я поставила тарелку в раковину. — Учи давай.

Решаемо. Это слово я выбирала секунды три и до сих пор им горжусь: не соврала и не напугала. Третьей лжи за день не случилось, счёт остановился на двух.

Мать позвонила в восьмом часу. Сама. У неё на такие вещи чутьё, как у рыбака на клёв: за секунду до того, как дёрнется поплавок, она уже держит руку на удочке.

— Марина. Это правда?

Ни «привет», ни «как вы там». Голос торжественный, как на школьной линейке.

— Что именно, мам?

— Не крути мне. Про квартиру вашу. Мне Оксана позвонила, с дачи. У них, у риелторов, базы, там всё видно: ваш дом в залоговых списках. Скажи мне, что это неправда.

Оксана. Ну конечно. Оксана без телефона не существует, и через её телефон проходит весь свет: кто продаёт, кто разводится, у кого опись. Наша квартира доехала до моей матери быстрее, чем я с пересадкой доехала до банка.

— Мам, я разбираюсь. Сегодня сама всё узнала, была в банке...

— ДОИГРАЛИСЬ! — В одном этом слове было столько облегчения, что стало ясно: она ждала. Не именно этого, но чего-то такого — давно, с удовольствием, впрок. — А я говорила! Я тебе сколько раз говорила: держи деньги при себе, не верь ему! Барин выискался: жена дома сиди, жена не работай! Досиделась?

— Мам.

— Витя! Сделай телевизор тише, я с Мариной разговариваю! — И мне, другим голосом, деловым: — Так. Слушай меня. Мы тут подумали и решили.

Мы. Я переложила телефон к другому уху, как переключают тяжёлую сумку. Сорок лет я слышу это её «мы», и ни разу, ни единого раза, в этом «мы» не было меня. Мы решили, что ты идёшь в музыкальную школу. Мы решили, что поступать будешь на технолога, профессия в руках. Мы подумали и решили. Кто эти «мы», мама? Ты и телевизор? Ты и Оксана?

— ...решили так: разводишься и дели, пока не поздно. Пока он остатки не спустил. Квартиру уже не спасти, раз вы такие умные оба, но хоть что-то урвать. И вот ещё что, Марина. Дачу надо переоформить. На меня. Ты теперь человек рискованный, к тебе приставы придут, опишут всё подчистую, а бабушкин дом мы им не отдадим. Я уже у нотариуса узнала, какие бумаги нужны, в четверг можем...

Вот оно. Между «разводишься» и «приставами», аккуратно, третьим пунктом — дача. Мамина главная мозоль. Бабушка оставила дом мне, лично мне, по завещанию, и мама этого «мне» не выговаривает с самых похорон. Говорит «наша дача». Говорит «семейный дом». Своё «мы» она натянула даже на бабушкино завещание.

— Мам. Дачу никто переоформлять не будет.

В трубке случилась пауза. Особенная, с оттяжкой. Так замолкает человек, которому никогда в жизни не говорили «нет».

— Что значит — не будет?

— То и значит. Спасибо, что переживаешь за нас. Мне пора, у меня плита.

— Вся в бабу! — успела она мне в ухо. — Та тоже до последнего: сама, сама! А потом что?

Я нажала отбой на середине её «потом».

Плита у меня не горела. Вторая ложь за день, если считать «всё отлично» в банке. Ничего. К вечеру такого дня — можно.

Глеб уже ушёл к себе. Я сняла полотенце с распечаток, заварила чай и стала читать, строчку за строчкой, с карандашом, как когда-то читала договор на Тимурову первую секцию. Даты. Суммы. Пени, которые росли себе тихо, как плесень за шкафом. Осень, когда прошёл последний платёж, я вспомнила отдельно: мы в ту осень покупали Игорю пальто. «Нельзя в старом к людям, Марин, встречают по одежке». Сорок тысяч. Карта прошла со второго раза, и он пошутил про банки, которые вечно тормозят.

Была в выписке и зима. В ту зиму мы «затягивали пояс»: я отменила себе зубного, отложила на потом, ничего срочного. Платёж за тот месяц, судя по графику, тоже отложился. На никогда. Выходит, пояс затягивала в этой семье я одна, второй конец никто не держал.

Банки, значит, тормозят. Банки, как выяснилось, никуда не торопятся. Банки просто пишут письма и ждут, пока адресат достанет их из мусорного ведра.

Карандаш дошёл до низа страницы и остановился.

Я вытащила из сумки блокнот, сняла резинку, пролистала до чистого листа. Мимо «купить Глебу кроссовки». Мимо «мамин день рождения — накрыть стол». Мимо всех списков той женщины, которой я была ещё позавчера.

Сверху, крупно, печатными буквами, я вывела: «ДОЛГ».

И ниже переписала из банковской распечатки первую цифру.

ГЛАВА 2.

Игорь стоял в кладовке спиной ко мне и переливал коньяк через воронку.

На нижней полке — початая бутылка за восемьсот рублей, из тех, что стоят в сетевом у кассы. В руках у него — пузатая, тяжёлая, из-под коньяка за восемнадцать тысяч. Я помнила её ещё с тех времён, когда содержимое соответствовало этикетке. А у ног стоял ящик, и в ящике горлышками вверх теснились ещё штук шесть таких же. Пустых. Дорогих. Чисто вымытых.

Я простояла в дверях, наверное, секунд десять. Он не слышал: лил аккуратно, по стеночке, чтобы не пенилось. Рука ровная, ни капли мимо. Опыт.

— Тебе посветить?

Он обернулся не сразу. Сначала долил до плечиков, поставил воронку на полку, закрутил родную пробку с золотым ободком. И только потом повернулся, спокойный, как продавец в отделе элитного алкоголя.

— О. Ты рано.

— Я вовремя, судя по всему. Что это, Игорь?

— Это? — Он оглядел бутылку у себя в руке с лёгким удивлением, точно она сама сюда запрыгнула. — Марин, вечером люди придут. Стас везёт инвестора, серьёзного человека, под наш проект. Ты же знаешь, как это устроено: встречают по бутылке.

— По одежке встречают.

— Одежка у нас тоже будет, — и он улыбнулся мне так спокойно, что захотелось стукнуть его этой самой бутылкой. Легонько. По этикетке.

Вот что добило меня по-настоящему: он не смутился. Ни на секунду. Люди, которых застали за таким, роняют воронку, прячут бутылку за спину, несут чушь. Мой муж принялся объяснять. С лицом преподавателя, у которого нерадивая студентка.

— Никто не отличит, Марин. Этот, по акции, вполне достойный, пять лет выдержки. А человек за столом видит этикетку. Человек пьёт этикетку, понимаешь? Сам напиток вторичен.

Человек пьёт этикетку. Столько лет я жила с философом и не знала.

— И давно ты... разливаешь?

— Что значит давно? — Он поставил бутылку к двум уже заряженным и стал прибирать воронку. — Это рабочая практика, все так делают. Ты просто не в теме, как устроены переговоры.

Я смотрела на воронку и вспоминала. Прошлый Новый год: я обыскала всю кухню, искала её для морса, а нашла потом здесь же, в кладовке, липкую изнутри, хотя варенье я в тот год не варила и морс до неё так и не доехал. Выходит, год. Как минимум год он стоит тут вечерами и переливает восемьсот рублей в восемнадцать тысяч. А я пью чай в соседней комнате и не задаю вопросов.

— Игорь. У нас долг размером с квартиру. Может, гостям сегодня налить правду?

Он закрыл кладовку и повернулся ко мне уже другим человеком: собранным, деловым, с интонацией совещания.

— Вот именно поэтому и нельзя. Пойми ты простую вещь: деньги идут к деньгам. Инвестор должен видеть, что у нас всё в порядке, иначе он не зайдёт в проект. Зайдёт — Стас закрывает долг передо мной, я закрываю банк, и через месяц ты эту историю не вспомнишь. Один вечер, Марин. Ты можешь один вечер мне помочь, а не топить?

И вот тут я промолчала.

Потому что в этой его схеме, стеклянной, дырявой, всё-таки жила наша квартира. Глебова комната, мой подоконник с фиалками, стена в детской с зарубками роста. Если ради неё надо один вечер улыбаться над переливным коньяком, я согласна и на два.

Дура была, конечно. Но это я сейчас знаю.

Меню на вечер я составляла по блокноту, как всегда. Открыла список продуктов, прикинула, вычеркнула горбушу, вписала курицу, потом вычеркнула и курицу. В итоге запекла мясо из морозилки, то, что берегла на день рождения Глеба. Праздник у нас сегодня, чего уж. Инвестор дороже именинника.

К семи стол стоял как на выставке. Я достала скатерть, которую берегла на юбилей, запекла мясо, нарезала всё, что режется. Игорь ходил по квартире и наводил последний глянец: развернул корешками к гостям книги в шкафу, переставил на видное место вазу, подаренную когда-то его партнёрами.

Проходя мимо спальни, я увидела в приоткрытую дверь, как он стоит перед зеркалом с бокалом воды и репетирует. Поднимает бокал, чуть наклоняет голову, шевелит губами. Прогоняет тост. Мужчина сорока шести лет репетировал перед зеркалом тост для собственной кухни.

Мне бы засмеяться. Не засмеялась. Смешно про такое рассказывать, а смотреть на такое через дверную щель почему-то не смешно совсем.

Потом он вынес из спальни рубашку. Новую, в упаковке.

— Погладь, а? Только аккуратно, через ткань.

Рубашек таких он купил зимой две, у какого-то перекупщика, «со склада, брендовые, повезло». Первую я уже видела вблизи: строчка на ней шла волной, а на второй неделе разошёлся шов на плече. Эту я гладила через ткань и думала, что упаковка у неё убедительнее содержимого. Прямо как у нас.

— И надень то синее платье, — Игорь заглянул в комнату уже при часах, свежий, отглаженный. — Ты в нём дорого выглядишь. От тебя сегодня тоже многое зависит, Марин. Жена — это лицо переговоров.

Лицо переговоров. Не человек, не жена даже. Лицо. Элемент сервировки, где-то между запечённым мясом и книгами корешками наружу.

Тимур крутился в прихожей перед зеркалом, в своей ветровке поверх рубашки.

— Пап, а можно я с вами посижу? Ну хоть полчаса. Там же инвестор будет, мне для будущего полезно.

— Уроки, — я поставила горячее на подставку.

— Мам, какие уроки, тут дело на миллионы решается!

Дело на миллионы. У ребёнка экран телефона в трещинах на пол-лица, но дело на миллионы.

— Пусть посидит, — Игорь потрепал его по плечу. — Пусть учится, как взрослые вопросы решаются. Сын должен видеть отца в деле.

Глеб вышел из комнаты, оглядел стол, скатерть, вазу.

— А у нас что, праздник?

— У папы рабочая встреча. Поужинаешь с нами, поздороваешься и пойдёшь к себе, ладно?

— Ладно. — Он потоптался. — Мам, а мясо это... нам на завтра останется?

Я нарезала дальше молча, потому что честный ответ был «как пойдёт», а врать Глебу у меня получается хуже всего.

Черновы приехали в восьмом часу, с шумом ещё из лифта. Яна всплыла первой, в светлом плаще, с бутылкой вина наперевес.

— Мариночка! Сто лет, сто зим!

Она обняла меня, не касаясь: так обнимают, когда жалко помаду. Отстранилась, оглядела с головы до ног, задержавшись на синем платье.

— Ты молодец. Так держись. Я бы на твоём месте уже лежала пластом.

— На моём месте не так уж плохо, — я приняла у неё плащ.

— Ну конечно, конечно. Мы же все свои, все всё понимаем... — Она махнула рукой куда-то в сторону, где, по её мнению, лежало это «всё», которое все понимают, и прошла в комнату так, будто квартира уже выставлена на продажу, а она приехала на просмотр.

Спина у Яны прямая. Всегда была прямая, я раньше даже завидовала: осанка, порода. А тут смотрела, как она несёт эту спину через мою гостиную, и подумала: слишком прямая. Слишком прямая спина для человека, который ни в чём не виноват.

Мысль мелькнула и ушла. Мне было не до неё: в дверях уже гремел Стас.

— Игорёха! Красавец! А стол-то, стол! — Стас жал Игорю руку двумя руками сразу, как соболезнуют. Потом развернулся к прихожей: — А вот и наш гость. Прошу любить: человек, который умеет считать деньги.

Гость оказался мужчиной за пятьдесят, в пиджаке без галстука, с рукопожатием на отсечку. Он окинул прихожую одним движением, как сканером, задержался на часах Игоря, чуть заметно кивнул своим мыслям и прошёл к столу.

Дальше всё покатилося по сценарию, который Игорь, видимо, репетировал в кладовке вместе с коньяком.

Тост первый, за знакомство. Тост второй: Игорь встал, поднял бокал с тем самым, переливным.

— За настоящее. В наше время столько подделок вокруг, что настоящее — самая твёрдая валюта. Настоящие люди, настоящие проекты, настоящие отношения. За это.

Я чуть не зааплодировала. За настоящее — коньяком за восемьсот из бутылки за восемнадцать. Он даже не подмигнул мне. Он, кажется, сам уже верил.

Гость пил мелкими глотками, со знанием дела.

— Достойный коньяк.

— Держу для своих, — Игорь наклонил бутылку этикеткой к нему. — Возим под заказ, небольшими партиями.

Стас загрохотал про логистику, про потоки, про то, что рынок сейчас проседает и это самое время заходить. Слова у них с гостем летали крупные и лёгкие, как воздушные шары: миллионы, вертикаль, упаковать проект, окно возможностей.

— А обеспечение? — гость поставил бокал и промокнул губы. — Под проект. Что в активе, если по-взрослому?

— Активы есть. — Игорь повёл рукой по воздуху, обозначая масштаб. — Недвижимость, связи, команда. За эту часть не переживайте.

Недвижимость. Я как раз несла горячее и едва не поставила его мимо подставки. Наша трёшка, заложенная по самые балконные рамы, шла у моего мужа в графе «активы». Он уже расплатился ею в этом разговоре. Легко, между делом, как расплачиваются чужим. Я носила горячее и слушала. Эту музыку я выучила наизусть за годы застолий и знала в ней главное: чем крупнее слова, тем мельче будет результат.

— Кстати! — Стас вдруг ткнул вилкой в сторону окна. — А чего я вашу ласточку во дворе не вижу? Продал, что ли, Игорёха? Ха!

— В сервисе, — я поставила перед ним салат раньше, чем Игорь набрал воздуха. — Плановое обслуживание.

— Во! Правильно, технику надо обслуживать, — и Стас поехал дальше, к своим потокам.

Вторая ложь. Я же обещала себе их считать. Первую сегодня выдал стол: «всё отлично» я улыбнулась Яне ещё в прихожей. Теперь вот машина в сервисе. Занятная арифметика выходит: чужую ложь я обнаружила позавчера, а своей набрала уже на неделю вперёд.

— А вы, Марина, чем занимаетесь? — Гость повернулся ко мне между салатом и мясом.

— Марина у меня тыл, — Игорь успел раньше, чем я открыла рот. — Дом, дети, надёжность. За это тоже стоит выпить.

— Тыл, — гость наклонил голову и задержался на мне чуть внимательнее протокольного.
— Тыл дороже фронта обходится, если по-честному.

Единственная честная фраза за весь вечер, и та досталась столу от чужого человека.

— Квартира, я так понимаю, ваша? — Гость обвёл ладонью гостиную. — Достойный метраж. Своя?

— Своя, конечно, — Игорь развёл руками, как разводят их хозяева. — В этом доме мы одни из первых заселялись, брали ещё на котловане.

Своя. Конечно. Я понесла на кухню пустое блюдо и по дороге посчитала: это уже не моя ложь, это его, но за одним столом они складываются в общую.

Я вообще много ходила в тот вечер между кухней и столом. Туда с полным, обратно с пустым. И на каждом круге ловила себя на том, что в гостиной сидит чужая компания: чужой весёлый мужчина в поддельной рубашке, чужая пара, которая перестала звать нас в гости, чужой человек со сканером вместо взгляда. А своих в этой квартире двое, и оба по комнатам: один делает уроки, второй ждёт, когда его позовут к взрослым.

Яна за горячим рассказывала про море. Они со Стасом летали в марте, «Стасик выбрал отель, ну вы знаете Стасика, он плохого не выберет». Я слушала и вспоминала, как мы летали вчетвером, двумя семьями, как Яна на пляже учила меня выбирать манго и повторяла: «Маринка, мы с тобой как сёстры». Сёстры кончились вместе с нашими деньгами, тихо и одновременно, как свет и вода по одному рубильнику.

— А вы куда этим летом? — Яна повернулась ко мне, глаза участливые, тёплые. — Опять на Мальдивы или поближе?

— Поближе, — я подложила гостю мяса. — На дачу. Воздух, грядки. Модно нынче.

— Ах да, дача! — Она сложила ладони. — Бабушкин домик, я помню. Это так... по-настоящему.

Слово «по-настоящему» она положила на стол, как салфетку: аккуратно и сверху. Игорь как раз рассказывал гостю про поставки, но на «дачу» обернулся, и я перехватила его взгляд на Яну. Короткий. На полсекунды дольше, чем смотрят на жену друга.

Полсекунды. Я записала их куда-то на подкорку и усилием воли стёрла. Не до того мне. Мне сейчас квартиру спасать: вот пусть инвестор наестся и спасает.

А потом в комнату вошёл Глеб. Поздоровался, сел на край стула, положил себе картошки. Гость как раз оценил Игорев пиджак, и Игорь легко, между делом, повернулся боком: мол, да, следим за собой. И тут Глеб, дожёвывая, глядя на отцовское плечо:

— Пап, а у тебя вторая такая же рубашка по шву поехала. Эта не поедет? Ты аккуратней с ней.

Стало тихо. Не как в театре, глуше: как в лифте между этажами.

Стас хохотнул первым:

— Растёт хозяин! Всё подмечает!

— Поедет — купим новую, — Игорь взъерошил Глебу волосы, и по тому, как сжались его пальцы на детском затылке, я одна во всей комнате прочитала, чего ему стоила эта лёгкость.
— Иди, сын, доделывай уроки.

Глеб ушёл, забрав тарелку. Гость промокнул губы салфеткой и задержался на Игоре чуть дольше прежнего. Совсем чуть-чуть. Но люди, которые умеют считать деньги, умеют считать и швы.

К чаю Яна вышла за мной на кухню. Помочь.

Помогала она так: открыла мой верхний шкафчик, не глядя, привычным движением достала две чашки из сервиза и встала с ними у окна.

— Я же у тебя тут всё знаю, — она повела чашкой по кухне, полка за полкой, как оглядывают перед торгами. — Уютно у тебя всё-таки. Всегда было уютно. Ты умеешь.

Раньше этот её жест, шкафчик без спроса, казался мне родным: свои люди, чего там. Сегодня он царапнул. Свои люди не приходят в гости, как на просмотр.

— Мариш. — Она понизила голос до доверительного. — Ты если что, ты же знаешь: мы рядом. Мало ли как жизнь повернётся. Женщине главное вовремя сообразить, когда пора думать о себе. Не о муже, не о детях даже. О себе.

— Это ты к чему?

— Да ни к чему. — Она взяла вазочку с конфетами, теми самыми, по акции, и понесла в комнату. В дверях обернулась: — Платье, кстати, тебе идёт. Носи, пока носится.

Носи, пока носится. Я осталась стоять с чайником в руке и переводила это с яниного на русский до самого чая. Перевести не смогла. Точнее, все переводы выходили такие, что лучше бы она молчала.

Разъезжались в двенадцатом часу. Гость на прощание пожал Игорю руку, пообещал «посмотреть цифры», что на языке крупных слов означает всё и ничего. Стас клялся набрать завтра, «край послезавтра». Игорь пошёл провожать их вниз, к такси, накинул куртку, замотал шарф.

И вот тут случилась мелочь, из-за которой я потом не спала.

Яна, уже в плаще, у самой двери, повернулась к Игорю и поправила ему шарф. Не поправила даже: перезаложила складку у горла, одним движением, не глядя, привычно.

Так делаю я. Так делают жёны. На автомате, потому что рука помнит это горло тысячу раз.

— Продует, — обронила она и вышла первой.

Дверь закрылась. Лифт увёз их вниз. Я стояла посреди прихожей с пустыми руками и уговаривала себя, что складку у горла может перезаложить кто угодно кому угодно. Подруга другу. Почти сестра почти брату.

Уговорила. Почти.

«Почти» — вообще главное слово моей нынешней жизни. Почти верю мужу. Почти спокойна за квартиру. Почти уверена, что складка у горла ничего не значит. Из таких «почти» можно уже забор строить вокруг дома. Если дом останется.

Игорь вернулся минут через пятнадцать, победный, расстёгнутый, с холодом с улицы.

— Видела, как зашло? — Он снял ботинки посреди прихожей и оставил их там же. — Он в теме, я тебе говорю. Стас говорит, тот в машине уже цифры прикидывал. Всё, Марин, считай, отстрелялись. Говорил я тебе: один вечер.

— Ты слышал, как он про квартиру завернул? Своя ли.

— И что? — Игорь уже уходил в ванную, на ходу расстёгивая манжеты. — Своя и есть. Прописаны мы тут? Прописаны.

Дверь ванной закрылась. Прописаны. С таким подходом можно и в поезде считать своим купе.

Посуду я мыла долго, дольше нужного. Тарелки, бокалы с отпечатками чужой помады, вилки. Тимур ещё возбуждённо пересказывал мне из коридора, как гость «реально заинтересовался» и как «батьа красиво разложил», потом стих у себя. Квартира остывала от чужих голосов, как плита остывает от готовки: медленно, щелчками. Из спальни уже ровно дышал Игорь. Он всегда засыпает довольным после таких вечеров: отыграл, сорвал аплодисменты, занавес. Артисту не докладывают, что театр заложен.

На столе оставалась бутылка. Та самая, пузатая, с золотым ободком, недопитая на треть.

Я взяла её, повертела. Этикетка тяжёлая, тиснёная, с медалями. Восемнадцать тысяч. Внутри плескалось на три пальца того, что по восемьсот.

Я вылила остаток в раковину. Смотрела, как тёмное закручивается вокруг слива, и подводила итог вечера: гость наелся, Стас наобещал, муж блистал, жена улыбалась и подавала. Все поработали лицом. Настоящего в этом вечере было ровно столько, сколько в этой бутылке.

Потом я её ополоснула, вытерла насухо и отнесла в кладовку. Поставила в ящик, к остальным пустым. Ровно, этикеткой к этикетке.

ГЛАВА 3.

— Ковалёва? Проходите. Вы к нам три недели записываетесь и не доходите.

Анна Сергеевна говорит это без упрёка, глядя не на меня, а в монитор, и от этого только хуже. Упрёк можно отбить. А тут простая констатация, как отметка в журнале: записывалась, не дошла, перезаписалась, не дошла, вот, дошла наконец.

— Работы много было, — я села на стул у стола.

— Работы. — Она развернулась ко мне вместе с креслом. Женщина за пятьдесят, халат без единой складки, никаких сюсюканий в лице. — Ладно. Выкладывайте. Когда нащупали, где, что беспокоит.

Я стала выкладывать. Слова подбирались трудно: я будто переводила с языка, на котором три недели запрещала себе говорить даже мысленно. Нащупала в душе. Слева. Не болит. Само не проходит.

Собиралась я сюда сегодня, как на экзамен, к которому три недели не открывала учебник. Никому ничего: Игорю с утра кинула «поеду по делам, потом в поликлинику, диспансеризация», он покивал в телефон. Талон по страховке мне предлагали только через месяц с лишним, а месяц с лишним я бы не пережила: не болезни боялась, а ещё тридцати ночей, когда лежишь и слушаешь себя. Поэтому частная. Поэтому конверт в сумке.

— Раздевайтесь до пояса, ложитесь.

Кушетка была застелена бумажной простынкой, и простынка хрустнула подо мной так громко, точно возмутилась. Анна Сергеевна работала пальцами уверенно, без суеты, как работают руки, которые делали это тысячи раз.

— Так. Здесь?

— Здесь.

— Угу. — Ничего в её лице не изменилось, и я вцепилась в это «ничего», как в перила. — Одевайтесь. Сейчас пройдем на УЗИ, потом решим, что дальше.

— Это... что-то плохое?

— Это то, что нужно смотреть. — Она уже печатала направление. — Гадать не будем ни в какую сторону. Мы не гадалки, у нас аппаратура.

И вот за это я ей сразу стала благодарна. За то, что не запела «ну что вы, всё наверняка ерунда». Ерунду не смотрят на аппаратуре. Ерунда — это когда тебя отправляют домой пить ромашку.

В холле, пока я ждала вызова, у ресепшена стояла пара: он держал её пуховик, она диктовала девочке-администратору фамилию по буквам и всё время оборачивалась на него, свирялась. Житейское дело: муж привёз жену к врачу. Я отвернулась к кулеру и налила себе воды, которую не хотела. Зависть — дурное чувство, я в нём не признаюсь даже здесь. Скажем так: вода была очень кстати.

Клиника была из тех, что открылись в нашем районе года три назад: керамогранит, электронная очередь, кулер, девочка-администратор с планшетом. На табло горел мой номер, В-четырнадцать, и я шла за этим номером по коридору, как идут за проводником.

В кабинете УЗИ было полутемно. Гель лёг на кожу холодным, я дёрнулась, врач извинилась. Датчик поехал слева, остановился, вернулся. Я лежала и смотрела в потолок, на квадратную лампу, и считала в ней точки. Сорок восемь. Я досчитала до сорока восьми, когда датчик в четвёртый раз вернулся в одно и то же место и надолго там задержался.

— Доктор. Вы же что-то видите, да?

— Я вижу то, что опишу вашему лечащему врачу. — Голос у неё был ровный, как линия на её же экране. — Полежите ещё минутку, сейчас замеры сделаю.

Замеры. Есть слова, после которых коридор обратно становится длиннее раза в два.

Потом была пункция. Про неё я знала одно: это игла. Оказалось, терпимо. Оказалось, самое трудное в ней не игла, а то, что нужно лежать неподвижно и никак не участвовать. Всю жизнь я что-то делала: варила, стирала, решала, везла. А тут лежишь, и от тебя требуется ровно одно: не мешать. Я не мешала. Я умею не мешать, у меня стаж.

В коридоре, пока я ждала бумаги, напротив сидела женщина в аккуратно повязанной косынке. Она листала телефон, подняла на меня взгляд, на секунду задержалась и еле заметно, одними уголками, дала понять: вижу, что ты новенькая. Ничего, тут все свои. Я так же, уголками, поблагодарила. Целый разговор, и ни одного слова: в этих коридорах свой язык, я выучила первую фразу.

— Результаты через неделю, — Анна Сергеевна подписывала бумаги у себя в кабинете. — Позвонят с ресепшена, запишут на приём. И вот что, Ковалёва. Эту неделю живите как жили. Себя не накручивайте и в интернете ничего не читайте: там пишут люди, которые вас не видели.

— А вы... что думаете?

— Я думаю через неделю. — Она подняла на меня взгляд, и впервые за приём в нём проступило что-то живое, человеческое. — Вы дошли, это главное. Дальше моя работа.

На кассе с меня взяли за приём, УЗИ и пункцию разом. Я расплатилась из конверта, который лежал у меня в сумке со вчерашнего вечера. На конверте была ёлочка: я подписывала его в декабре, откладывала на подарки к Новому году, потом переименовала в «на чёрный день». Чёрный день, как выяснилось, наступает в апреле, в десять сорок утра, по электронной очереди.

Я вышла на крыльцо и остановилась. Надо было кому-то позвонить. Так делают люди: выходят из клиники и звонят. Голос в трубке спрашивает «ну что?», ты выкладываешь, и тебе становится на четверть легче просто оттого, что теперь несёшь это не одна.

Я открыла телефон и стала листать контакты.

Игорь. Нельзя. Он сейчас либо отмахнётся «не накручивай, у меня переговоры», либо, что хуже, использует: больная жена — слабая переговорная позиция, а у него как раз инвестор думает. Я представила, как он делает озабоченное лицо и тут же косится на часы, и закрыла его контакт. Потом открыла снова. Напечатала: «Я сегодня была у врача, и мне». Стёрла. Напечатала: «Позвони, когда освободишься». Стёрла и это. У меня, оказывается, вырабатывается новый навык: писать мужу правду и стирать, не отправляя. Скоро дойду до мастерства, буду стирать, не написав.

Мама. Нельзя тем более. Мама возьмёт трубку, ахнет, и через час о моей пункции будет знать её парикмахерша, соседка с третьего этажа и вся её группа в Одноклассниках. А ещё через час мама перезвонит и объявит: «Я всегда говорила, все болезни от нервов, а нервы у тебя от твоего». И будет по-своему права, отчего захочется лечь лицом к стене.

Дальше в контактах шли женские имена. Я листала их, как листают старый фотоальбом. Вот с этой мы дружили семьями, пока у обеих семей были горные лыжи. Вот эта звала на все дни рождения, ровно пока Игорь мог поспособствовать её мужу; содействие кончилось — приглашения высохли. Вот жена его бывшего партнёра: мы вместе выбирали ей кухню, я знаю, где у неё лежат лопатки, а она не знает, что у меня забирают квартиру. Вот эта просто исчезла, тихо, без ссоры, как исчезает вода из блюда: никто не выливал, само высохло.

Последнее сообщение от Яны в переписке было месячной давности: «Созвонимся!» С восклицательным знаком. Восклицательный знак — это у них теперь вместо звонка.

Подруги, оказывается, шли у меня в комплекте с деньгами. Кончились деньги — кончился комплект. Поглядеть бы на тот склад, куда свозят такие комплекты: чужих подруг, чужих крёстных, чужие компании на майские.

Я убрала телефон, потом достала снова. Рука сама открыла общий чат. «Наши» — так он называется, двадцать восемь участников, компания наших лучших лет: море вскладчину,

Новый год по очереди, крестины, юбилеи. Меня из него не удалили. Думаю, просто забыли: удаляют тех, кого помнят.

Чат жил. Вчера вечером туда упало полсотни фотографий с юбилея Стаса.

Я листала их стоя на крыльце клиники. Ресторан, шары, Стас в бабочке дует на свечи. Яна в блестящем платье обнимает пару, которую я знаю пятнадцать зим подряд. Столы буквой «п». Смеющиеся рты. Под фотографиями поздравления, штук сорок, и «лучший вечер года».

Под одной из фотографий кто-то подписал: «Вся банда в сборе!» Я пересчитала банду по головам. Двадцать два человека. Шесть недостающих в кадр не попали, и двое из шести когда-то эту банду между собой перезнакомили.

Я промотала чат наверх, глубоко, на год назад, туда, где ещё была я. Нашла: чей-то день рождения, я в кадре смеюсь, держу салат в руках, Игорь что-то рассказывает за моим плечом. Женщина на фото смеялась так, будто у неё всё оплачено вперёд. Я рассматривала её, как рассматривают дальнюю родственницу: похожа на меня, а кто такая, уже не вспомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.